

Всё это время Сы Ланьюй краем глаза наблюдал за Цзян Чэньчжоу.

Видя, что тот сохраняет невозмутимый вид, он почувствовал, как тревога в душе лишь усиливается. Наконец, утвердив несколько вариантов, Лили поспешно откланялась. Она не согласилась даже на чашку горячей воды, в мыслях лишь твердя одно: сон красоты, сон красоты! Скорее, мамочка идет к тебе!

Как только Лили вышла, дворецкий Ван тактично удалился в свою комнату, оставляя пространство для двоих. Сы Ланьюй, хоть и не понимал, о чем сейчас думает Цзян Чэньчжоу, всё же счел необходимым объясниться. Голову сложить можно, кровь пролить можно, но терять лицо перед Цзян Чэньчжоу нельзя.

— Послушай... я совсем не это имел в виду.

Цзян Чэньчжоу не смотрел на него, лишь опустив голову, изучал свои длинные изящные пальцы, покоившиеся на коленях.

— Я понимаю, господин. Мне не следовало питать лишних надежд... — В этих словах сквозила беспомощность и самоирония.

Сы Ланьюй замер. Я же сказал, что не это имел в виду! Хотя он и не понимал, почему Цзян Чэньчжоу вдруг так переменялся.

За свои двадцать пять лет Сы Ланьюй ни разу не ощутил, что значит быть для кого-то важным, получить хоть каплю искренней заботы. Всё тепло и доброта этого мира обходили его стороной, он вечно блуждал на грани холодной тьмы. Окружение Сы Ланьюя состояло из людей, движимых лишь выгодой, и он сам был для них главной целью. Многие вились вокруг, внешне проявляя почтение, но на деле преследовали свои интересы. Они льстили и заискивали, лишь бы урвать кусок пирога. Стоило затронуть их выгоду, как эти люди без колебаний бросали или предавали его.

Поэтому тот поцелуй после пьянки стал для него словно клеймо, от которого сердце внутри невольно пылало. Казалось, будто и он может быть кем-то ценим. Даже если Цзян Чэньчжоу приблизился к нему с какой-то целью, он был готов это принять.

Набравшись смелости и решимости, он протянул руку и ухватил Цзян Чэньчжоу за запястье. Кости отчетливо проступали под кожей.

— Послушай меня, я не хотел признаваться, потому что мне казалось, что без официального признания всё выглядит слишком поспешно... словно я пренебрегаю тобой...

Цзян Чэньчжоу посмотрел на смущенного и растерянного мужчину перед собой. В отличном настроении он решил больше не мучить его, лишь загадочно обронил:

— Тогда я буду ждать, господин.

Ждать чего? Его признания? Сы Ланьюй чувствовал, что что-то здесь не так. Но, видя, как легко удалось успокоить мужчину, он ощутил укол совести. Ну и мерзавец же я. Ему и так пришлось несладко, а я еще и продолжаю его соблазнять.

Там, где Сы Ланьюй не мог видеть, Цзян Чэньчжоу едва заметно улыбнулся.

Сяо Фэн, прижавшись к 110-му, выглядел вялым.

— Этот носитель такой актер... Мог бы просто сказать прямо, нет, надо было разыграть спектакль, чтобы бедный злодей первым признался... Эх! — Последнее «эх» он протянул так жалобно, что 110-й не сдержал смеха.

Сы Ланьюй ворочался в постели, не в силах уснуть. Он не мог перестать думать о том, в каких они теперь отношениях. Кто они: покровитель и содержанка или влюбленные? Признания еще не было, значит, всё еще покровитель и содержанка... наверное. С этой смутной мыслью он провалился в тяжелый сон.

А Цзян Чэньчжоу, находившийся через несколько комнат, включил подаренный Сы Ланьюем компьютер и вызвал Сяо Фэна.

Сяо Фэн, уже собиравшийся сладко уснуть, возмутился:

— Ты вообще вежливый?

— Носитель, что случилось? — неохотно отозвался он. С тех пор как он узнал, что его обманули, последний фильтр, через который он видел в Цзян Чэньчжоу нежного красавца, окончательно разбился. Это был волк в овечьей шкуре! Причем такой, который ест людей, не оставляя даже костей, невероятно хитрый.

Цзян Чэньчжоу уловил нотки сопротивления в его голосе, но не стал обращать внимания:

— Где оригинал?

Он перешел сразу к делу. Сяо Фэн, пользуясь тем, что его не видят, закатил глаза. Столько времени прошло, а он только сейчас вспомнил.

— Система обнаружила, что истинный злодей крайне враждебно настроен к этому миру, поэтому Главный Бог поместил крупицу твоей духовной силы в тело оригинала, чтобы злодей не уничтожил этот мир... — неохотно пробормотал он. — Так что оригинал — это по сути твой

клон-марионетка. У него нет своей воли, все действия запрограммированы, и души оригинала, естественно, не существует.

Цзян Чэньчжоу кивнул. Он остался доволен.

Сяо Фэн, связь с которым снова оборвалась, натянул одеяло до подбородка и погрузился в приятные сновидения.

Цзян Чэньчжоу тихо рассмеялся. Враждебен к миру? Да, это в духе того маленького негодника. Впрочем, так даже лучше. Как только он представлял, что этот строптивый, но чистый в своих чувствах мужчина проявляет интерес к кому-то другому, у него чесались руки. А когда чесались руки, хотелось уничтожить мир.

Узнав всё, что нужно, Цзян Чэньчжоу успокоился и переключился на изучение современных программ.

На следующее утро Цзян Чэньчжоу, как обычно, разбудили. Но это был не дворецкий Ван, а голос женщины средних лет:

— Господин Цзян, завтрак готов.

Она ушла, едва закончив фразу, словно просто выполняла поручение. Лицо Цзян Чэньчжоу помрачнело. Он всю ночь провел за изучением программирования.

Приведя себя в порядок, он открыл дверь и к своему удивлению увидел Сы Ланьюя, который сидел внизу и... читал газету? Настроение Цзян Чэньчжоу мгновенно улучшилось. Разве можно было не заметить, как Сы Ланьюй делает вид, что читает, а сам украдкой поглядывает на второй этаж?

Увидев, что тот вышел, Сы Ланьюй положил газету на перламутровый журнальный столик и с самой доброжелательной улыбкой, на которую был способен, произнес:

— Проснулся? Спускайся завтракать.

Первый совет по завоеванию маленького парня: проявлять всестороннюю заботу. Сы Ланьюй был доволен собой. Его внутреннее я одобрительно кивнуло, подтверждая правильность выбранной стратегии.

Завтрак был скромным: сэндвичи и каша. Сидя друг напротив друга, Сы Ланьюй невзначай спросил:

— Сегодня вечером прием. Ты привык к такой обстановке?

Цзян Чэньчжоу зачерпнул ложкой кашу, поднял свое прекрасное лицо и, глядя на Сы Ланьюя влажными глазами, ответил:

— А если я скажу, что не привык, господин найдет себе кого-то другого?

Сы Ланьюй никогда не сталкивался с подобным. Казалось, стоит ему ответить утвердительно, как собеседник тут же расплчется. Не успел он и слова сказать, как человек напротив отложил ложку.

— Впрочем... вокруг господина и так полно людей... Я наелся, господин.

Сказав это, он встал и ушел. Сы Ланьюй остался сидеть в полном замешательстве.

<http://bllate.org/book/22240/2323717>